

Миронов Б. Н. Можно ли увидеть всю Россию из малых пупков? // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информации. Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер» / Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров (ред). 2005. С. 528-543.

В своей статье¹ тамбовские историки В.Л. Дьячков и В.В. Канищев, на первый взгляд пытаются опровергнуть точку зрения, которую я разделяю, о влиянии постов на месячную вариацию рождаемости русских крестьян в XIX — начале XX в. и о влиянии религии на демографическое поведение. В действительности дело обстоит намного серьезнее. «Что, если о нас через сто лет скажут, — вопрошают критики: “Подавляющее большинство советских людей были пионерами и комсомольцами, а десятки миллионов истово следовали Моральному кодексу строителя коммунизма, любили КПСС и знали ее Программу и т.п.”? Не желая подобной несправедливости суждения о себе, не обидим и наших дедов и рассмотрим, что стоит за ломаной кривой месячной церковной регистрации рождений, так круто обрывавшейся в декабре и взлетавшей в январе» (с. 319; здесь и далее указывается страница из их статьи).

Как видим, соавторы проводят аналогию между советскими и дореволюционными временами. В обоих случаях, по их мнению, население не верило в официальную идеологию и по принуждению исполняло официальные обряды и ритуалы: в первом случае — советские (вступало в пионеры, комсомол, партию и т.д.), во втором — православные (ходило в церковь, исповедовалось и причащалось, соблюдало пост и т.д.). Иными словами, огромное большинство россиян как до, так и при советской власти были лицемерами: верили в одно, а

Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пупков?

поклонялись другому (правда, соавторы не говорят, во что же люди верили). Я сильно сомневаюсь в правоте этого эпатирующего мнения, как и в том, что подавляющее большинство советских людей (исключая, конечно, тех, кто сидел в тюрьме за уголовные преступления) уклонялось от исполнения морального кодекса строителей коммунизма (как известно, во многом списанного с христианского морального кодекса) и что он не влиял на их поведение.

Есть и второе важное обстоятельство в данной дискуссии. В.Л. Дьячков и В.В. Канищев, как им кажется, пытаются реабилитировать наших предков, доказав, что не религиозная мораль определяла их поведение, а биологический и природный факторы. На старый вопрос, кто мы — люди или животные, — они, по сути, отвечают — животные. Правда, не называя людей прямо животными, а используя разного рода эвфемизмы для характеристики их поведения: действуют под влиянием биологического или природного фактора, предчувствий, биологических часов и т.п. В начале было не Слово, а биология с географией. Боюсь только, что предки наши переворачиваются в гробу от такой реабилитации, которую они, безусловно, расценили бы как клевету. Отцы и деды также подивились бы тому, как слабо их потомки знают и понимают жизнь, которая проходила всего два-три поколения назад.

Таким образом, частный вопрос неожиданно вырос до важной социологической и методологической проблемы — верят ли люди в те институты и разделяют ли ту идеологию, которые господствуют в данный момент, влияют ли религия, мораль, идеология на их поведение? Именно это и побудило меня ответить критикам, ибо сам по себе декабрьский минимум рождений большого внимания не заслуживает.

Из-за чего же сыр-бор загорелся? В книге «Социальная история» я пытаюсь доказать, что поведение российских крестьян в XVIII — начале XX в., в том числе и демографическое, находилось под сильным влиянием религии. В числе *многих* аргументов приведен и такой: через девять месяцев после Великого поста происходило некоторое снижение рождаемости. На основании анализа *всероссийских* данных о рождаемости за 1867—1910 гг. сделан вывод о том, что половое воздержание во время всего Великого поста в 1867—1870 гг. могли практиковать 24% православных (23% сельского населения), к 1901—1910 гг. процент уменьшился до 14% (до 13% у сельского населения). Другими словами, 76% взрослого православного населения в 1867—1870 гг. и 86% в 1901—1910 гг. воздержания не соблюдали. Отсюда нельзя заключать, что русские крестьяне были религиозными фанатиками, истово соблюдавшими посты. Однако 24% в

Б.Н. Миронов

1867—1870 гг. и 14% в 1901—1910 гг. — это около 11—12 млн взрослых людей, что, на мой взгляд, служит дополнительным основанием для вывода о том, что религиозная вера в дореволюционное время была достаточно крепка, и требовались значительные усилия, чтобы при советской власти ее расшатать, так как требование полового воздержания в течение семи недель Великого поста является в православии не категорическим императивом, а скорее факультативным пожеланием: дерзайте, и зачтется.

Оппоненты трактуют мои выводы произвольно широко. Они усматривают в них «типичный» случай поиска «национальной идеи» в православии, пример доказательства укорененности в крестьянской среде религиозной веры, богоносности русского крестьянства и т.д. (с. 317—319) (правда, не ссылаясь на работы, в которых славянофильская национальная идея отстаивается на основе анализа декабрьского минимума рождений). Упрекать меня в славянофильстве — значит, не читать моей книги «Социальная история», спорить с которой они пытаются. Судя по всему, в том числе по неправильной ссылке (см. сноску 1 в их статье), оппоненты и книгу-то не читали, а по-видимому, ограничились поверхностным знакомством со статьей в популярном журнале. Как будет показано ниже, по большому счету в споре со мной В.Л. Дьячков и В.В. Канищев ломаются в открытую дверь. Какие же выдвигаются возражения?

В.Л. Дьячков и В.В. Канищев утверждают, что отсутствует «хотя бы единственное свидетельство современника о сознательном воздержании крестьян от половой жизни в посты, продиктованное верой в Бога» (слово «Бог» они пишут, разумеется, со строчной буквы) (с. 319—320). Между тем современники о воздержании говорили довольно часто, несмотря даже на то, что оно являлось, с одной стороны, само собой разумеющимся, с другой — говорить и спрашивать об этом было неприлично. И не заметить этого можно либо под гипнозом установки о слабом влиянии религии, либо по причине недостаточного знакомства с литературой. Вот что пишет об отношении крестьян к аскетизму в классической книге «Нечистая, неведомая и крестная сила» (впервые опубликованной в 1903 г.) признанный знаток крестьянского быта С.В. Максимов: «Наш народ не только соблюдает посты во всей строгости церковного устава, но идет в этом отношении значительно далее, устанавливая сплошь и рядом свои постные дни, неизвестные церкви. Кроме воздержания в пище, крестьяне считают необходимой принадлежностью поста и половое воздержание: считается большим грехом плотское сожителство с женой в постное время, и виновные в таком поступке не только подвергаются строгому внушению со стороны священника, но выносят немало насмешек и от своих односельчан,

Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пупков?

так как бабы до тонкости разбираются в таких вещах и по дню рождения младенца прекрасно высчитывают, соблюдали ли супруги “закон” в посты. Особенно зорко следят бабы, чтобы “закон” соблюдался деревенским причтом: считается несмываемым срамом для всей деревни, если в беззаконии будут изобличен пономарь, дьячок, дьякон, а особенно священник. У Глеба Успенского приводится случай, когда мужики чуть ли не всем “обществом” потребовали объяснения у батюшки, которого бабы изобличили в нарушении правил Великого поста. “Что же это ты, батя? — укоризненно покачивая головой, спрашивали мужики, — все-то ты говоришь нам “абье, абье”, а у самого-то выходит одно “бабье”»². Между прочим, данное свидетельство приведено в моей статье, с которой спорят мои оппоненты.³ Отмечу, что о строгом соблюдении постов говорится в источниках очень часто, правда, без конкретизации, что под этим имеется в виду, вполне возможно, по той причине, что секс был табуированной темой.

Однако дореволюционные исследователи (Ю.Э. Янсонс, Ф.В. Гиляровский и др.), касавшиеся вопроса о помесячных колебаниях рождаемости, как правило, отмечали спад рождаемости через девять месяцев после постов и связывали это с половым воздержанием.⁴ «Наименьшее количество зачатий приходится на время работ — июль и на время постов — март и декабрь, — констатировал П. Грязнов. — Мартовское и декабрьское понижение зачатий непременно зависят в известной степени от постов, частью же могут быть объяснены и усталостью населения в некоторых частях уезда от зимних работ»⁵.

Крестьянки также свидетельствовали, что под влиянием религиозной морали они соблюдали половое воздержание. Американский историк Дэвид Рансел в 1990-е гг. провел полевые исследования в Новгородской, Смоленской, Московской, Ульяновской областях с целью проследить изменения в представлениях о браке, регулировании рождаемости, родах, уходе за детьми у российских крестьянок⁶. С помощью российских этнологов было взято 92 глубоких интервью, в том числе 73 у русских женщин и 19 у татарских. Респондентки выбирались из лиц разных возрастов, которые провели всю жизнь в деревне. Рансел разделил всех опрошенных на три поколения: родившихся в 1899—1912 гг. — 25 человек, в 1913—1930 гг. — 37 и в 1931—1954 гг. — 11. Можно сожалеть, что в анкете не было специального вопроса о соблюдении полового воздержания во время постов. Однако 4 женщины из первого поколения в ходе интервью сами остановились на этой теме и прямо указали, что под влиянием религиозной веры и морали систематически воздерживались от интимных отношений с мужем во время всех постов и всю свою жизнь не применяли

Б.Н. Миронов

никакой контрацепции⁷. 4 из 25 — это 16%. Конечно, выборка слишком мала, чтобы быть представительной. Однако ее результаты близки к тому, о чем говорят нам данные о рождаемости в 1901—1910 г. — 14% православных соблюдали воздержание. Обратим внимание на то, что речь идет о женщинах, чей фертильный возраст пришелся на годы советской власти, когда с религией велась жесткая борьба.

Проверяя гипотезу о влиянии постов на рождаемость, я и сам опросил два десятка старых женщин об их сексуальном поведении в молодые годы, поговорил с несколькими пожилыми священниками. Под моим наблюдением три студентки исторического факультета С.-Петербургского университета во время Великого поста провели опрос 56 верующих православных женщин и 16 мужчин разного возраста. Результаты меня вполне обнадежили. Самое примечательное состоит в том, что современные верующие женщины фертильного возраста более склонны соблюдать абстиненцию во время поста, чем их матери и бабушки. По данным опросов, воздерживались от интимных контактов 71% женщин и 50% мужчин. В данном случае важны не цифры, а сам факт того, что половое воздержание во время поста до сих пор практикуется, и значит традиция не умерла.

Мои оппоненты утверждают, что превышение январских рождений над декабрьскими объясняется переносами дня рождения с декабря на январь в метриках по небрежности духовенства и из-за суеверных соображений крестьян, которые якобы выгадывали «младенцу анкетный год жизни (для мальчиков — с целью как бы оттянуть будущий призыв в армию, а для девочек — омолодить реальный возраст» (с. 325). Не могу понять, в чем тут усматривается суеверие, — расчет можно считать совершенно рациональным, если бы авторы доказали, что крестьяне рассуждали именно так. Приходится сильно сомневаться, что крестьяне приуменьшали возраст мальчиков на несколько дней, чтобы отложить призыв в армию. Во-первых, это было бесполезно. До 1839 г. в армию по закону призывали в возрасте от 18 до 35 лет, в 1840—1873 гг. от 20 до 35 лет, а фактически в солдатах можно было оказаться в любом возрасте начиная с 15—16 лет по желанию родителей, общины или помещика. С 1874—1892 гг. призыву подлежали мужчины, достигшие 20 лет к 1 января призывного года, но с 1893 г. — достигшие 21 года к октябрю призывного года. Во-вторых, в XIX — начале XX в. мужчины возраст не приуменьшали, а скорее преувеличивали, потому что от этого отчасти зависел их социальный статус. Что касается девочек, то их возраст в деревне определялся отнюдь не метрикой, а памятью и приблизительно. И вообще в дореволюционной деревне счет на дни, месяцы и даже годы в современном смысле не велся: традиционное время —

Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пупков?

циклическое, а не линейное.

Но вернемся к расчетам оппонентов. С 1810 по 1918 гг., помог им подсчитать Р.Б. Кончаков, в среднем в последнюю неделю декабря крестилось 120 младенцев, а в первую неделю января — 458, в 3.8 раза больше (с. 324). Однако на январь переносилась регистрация не только тех, кто родился в декабре, но и в другие месяцы. Нормальная беременность длится не девять месяцев плюс 5—6 дней (с. 325), как утверждают авторы, а девять месяцев плюс или *минус* 5—6 дней, как предполагают врачи. Благочестивые прихожане, тщательно соблюдавшие пост, но у которых на 5—6 дней раньше срока родился ребенок, наверное, стремились перенести крещение с конца декабря на начало января, чтобы сохранить репутацию. Кроме того, все равно остаются открытыми два вопроса: (1) отражали ли данные за январь перенос регистрации родившихся или взрыв рождаемости, и (2) насколько типичны для России два тамбовских прихода как с точки зрения благочестия, так и с точки зрения аккуратности регистрации. Например, как показало сравнение метрических и фактических данных о рожденьях в Петербурге в июле-декабре 1881 г., недоучет рождений в декабре был наименьшим, а в июле — наибольшим.⁸ Переносы регистрации рождений с одного месяца на другой характерны для всех месяцев во всех приходах, и пока нет оснований считать, что декабрь был месяцем с самыми неточными данными.

Самое удивительное, однако, состоит в другом. Поставив под сомнение мои расчеты на том основании, что регистрация рождений была хронологически неточна, потратив на это 25% текста, оппоненты после всех поправок заявляют: «Полученные результаты показали, что рождений детей в проекции пост+280 было действительно заметно меньше, чем в смежные периоды, примерно на 33—37%, что соответствует расчетам Б.Н. Миронова для 1860-х гг. по православному населению в целом» (с. 327). К чему было так долго палить из пушек?

Обратившись к аналогичным с моими расчетам и получив аналогичные моим результаты (с той большой разницей, что мои выводы основываются на статистике рождений во всех, т.е. в нескольких десятках тысяч приходов 50 губерний Европейской России за 1867—1910 гг., а их — по двум приходам), В.Л. Дьячков и В.В. Канищев пытаются доказать, что декабрьский минимум на самом деле все равно является фантомом. В 60% случаях для Байловки и в 73% для М. Пупков декабрьский минимум действительно наблюдался, но, соответственно, в 40% и 27% случаев не отмечен. В первой половине XIX в. число соблюдавших пост увеличивалось как тенденция, но в отдельные годы резко уменьшалось: в 1820, 1830, 1850-

Б.Н. Миронов

е гг. Огромные колебания числа соблюдавших пост по годам отмечены и в 1901—1910 гг. — от 8 до 82% в Байловке и от 19 до 49% в М. Пупках. «Это никак нельзя связывать с религиозностью крестьян, которая не могла изменяться чуть ли не ежегодно в разных направлениях», — заявляют авторы (с. 328— 329). Совершенно верно: ни религиозность, ни антирелигиозность, ни индифферентизм малопупковцев и байловцев и вообще людей в традиционном обществе не могли изменяться ежегодно. В чем же дело?

Можно указать на три причины таких колебаний. Первая заключалась в том, что религиозность была только одним из факторов, влиявшим на помесечную вариацию рождаемости. В частности, зависимость между рождаемостью и абстиненцией, как это всегда бывает во всех социальных явлениях, носила не функциональный, а корреляционный характер, о чем говорят мои расчеты, включающие и тамбовскую статистику: строгий пост в 1860-е гг. соблюдало не более 24% населения, следовательно, более чем на 76% рождаемость через девять месяцев после окончания поста определялась другими, кроме религиозности, факторами: социальными, экономическими и биологическими. Таким образом, вопреки их желаниям и намерениям, оппоненты подтвердили мой вывод.

Помогает понять причины неустойчивости декабрьского минимума рождений закон больших чисел: количественные закономерности, присущие массовым общественным явлениям, отчетливо проявляются лишь в достаточно большом числе наблюдений, другими словами, закономерность проявляется и обнаруживается при массовых наблюдениях, а в единичных случаях она может нарушаться⁹. Например, в случае соблюдения постов в конкретном поселении многое определялось уровнем приходской религиозной культуры. В некоторых приходах она могла быть очень низкой, а в других — высокой в зависимости от священника и многих других, в том числе случайных факторов: насколько религиозен был помещик, близко или далеко находилась церковь, зажиточно ли было село, имелись ли в общине благочестивые люди, раскольники и сектанты и т.п. К примеру, в М. Пупках, если там служил не уважаемый крестьянами священник, вообще никакой закономерности можно и не обнаружить, сколько их ни разглядывай. Не знаю, знакомы ли с законом больших чисел мои оппоненты, но их горячая приверженность микроисследованиям об этом не свидетельствует, что неудивительно при существующей на них моде. 15 приходов не создадут достаточной базы данных для получения надежного знания о социальных процессах и явлениях даже на региональном уровне, в отличие от того, что полагают В. Л. Дьячков и В. В. Канищев (с. 340), так как маленькая выборка,

Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пупков?

как известно, дает весьма значительные ошибки. Число же приходов, подлежащих наблюдению, определяется не джентльменским соглашением между несколькими тамбовскими и петербургскими историками, а точными математико-статистическими расчетами. Только сочетание микро- и макроанализа может обеспечить науку надежными выводами.¹⁰ Но даже если ограничиться 15 приходами для одной губернии, нужно учесть 750 приходов, чтобы получить представительную картину для Европейской России.

Третья причина неустойчивости декабрьского минимума рождаемости кроется в недостаточной точности метрической статистики, которая страдает многими изъянами, а не только переносами рождений с одного месяца на другой. Как было показано мною в специальной источниковедческой работе, метрическая статистика до 1830-х гг. была вообще ненадежной; только с 1860-х гг. она стала более или менее правдоподобной¹¹. Странно, что мои оппоненты этого не учитывают и опираются на метрические книги первой половины XIX в. без всякой оглядки на их низкую достоверность. Кроме того, в массовых общероссийских данных неточности учета в отдельных приходах хотя бы отчасти взаимопогашаются, а при оперировании данными отдельных приходов этого не происходит. Между тем необходимого источниковедческого анализа использованных данных сделано не было.

В.Л. Дьячков и В.В. Канищев много говорят о влиянии пониженного биопотенциала, или падения брачной и половой активности, к исходу зимы на рождаемость в декабре, что якобы мною не учтено (с. 330, 338). Однако в моих расчетах снижение биопотенциала принято во внимание, причем не абстрактно, на уровне разговоров о необходимости его учесть, как у моих оппонентов, а конкретно: оценена его вероятная величина и внесена соответствующая поправка, которая существенно — на 38—56% — уменьшила уровень абстиненции по религиозным мотивам¹². Вновь приходится констатировать, что авторы не читали мою работу и поэтому ломятся в открытую дверь.

Много места уделяют В.Л. Дьячков и В.В. Канищев обсуждению вопроса о влиянии помесечной вариации браков (которая, как известно, существенно зависела от церковного календаря, т.е. определялась религиозными соображениями) на помесечную вариацию рождаемости (с. 329—334). Но здесь они только подтверждают общеизвестное на материале нескольких тамбовских приходов.¹³ Они обогатили бы наши представления по этой проблеме, если бы провели многофакторный корреляционный анализ или факторный анализ вариации браков и рождений. Например, как

Б.Н. Миронов

показывает корреляционный анализ помесечной вариации числа браков и числа рождений через девять месяцев, вариация браков (в сочетании с влиянием других факторов через брак) обуславливала вариацию рождений весьма существенно — примерно на 35—39%. Коэффициент линейной корреляции Пирсона между помесечным числом браков и рождений в Европейкой России в 1884—1888 гг.¹⁴ составил 0,589 (коэффициент детерминации 0,35), в Тамбовском уезде в 1871—1881 гг. — 0,625 (коэффициент детерминации равен 0,39), при сдвиге на месяц для рождаемости коэффициент уменьшился до 0,403, при сдвиге на два месяца — до 0,092. Вероятно, первые рождения довольно часто происходили через девять месяцев после венчания.

По мнению оппонентов, кроме декабрьского, существовал и апрельско-майский спад рождаемости¹⁵, который предопределялся уборочной страдой и лишь отчасти Петровским и Успенскими постами. В 15 из 17 случаев (девятимесячных проекций) страда имела большее понижающее влияние на рождаемость сравнительно с постом. Отсюда делается вывод о «ведущей роли природного фактора по сравнению с религиозным» (с. 335—336). Влияние страды, как, впрочем, и постов на рождаемость — хорошо известный факт, отмеченный многими современниками. С наступлением постов и полевой страды, отмечал, например, А.О. Афиногенов, «у крестьянок часто прекращаются менструации, следовательно, уменьшается и плодовитость. Рождаемость находится в прямом отношении со степенью благосостояния и со степенью питания»¹⁶. «Иван голодный, в рабочую пору, например, собственно не живет с женой», — отмечала О.П. Семенова-Тян-Шанская¹⁷. Непонятно только, причем тут природный фактор. Благосостояние — это экономический фактор, значение которого никто не отрицает. Но опять нет количественной оценки влияния поста и страды, хотя именно количественный анализ внес бы что-то новое в обсуждение данной проблемы.

Претендующие на позитивизм, доверяющие только цифрам и расчетам В.Л. Дьячков и В.В. Канищев, иногда непостижимым образом впадают в интуитивизм и мистику. «Биологические часы работали таким образом, что число крестьянских браков и рождений детей зависело прежде всего от **предстоящего** урожая» (с. 334). Рождаемость, утверждают они, зависела от «предчувствия» крестьянами уровня грядущего урожая: в предчувствии хорошего урожая земледельцы совершали больше браков и зачатий, а в предчувствии плохого урожая — меньше. Этот вывод основан лишь на том, что рождаемость в январе-мае в год урожая меньшего, чем в предшествовавший год, снижалась, а в год урожая большего, чем в

Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пупков?

предшествовавший год, повышалась, причем оценка этого сделана на глаз (с. 333—334). Это чистейшая спекуляция. Во-первых, нужно доказать существование биологических часов и предчувствий. Следовало по крайней мере провести корреляционный анализ и доказать наличие статистически значимой связи между рождаемостью в январе-мае и урожаем следующего года. Во-вторых, за предчувствиями (интуицией) обычно стоят позитивные факты, здравые соображения. А в данном случае предчувствия действовали наперекор инстинкту и здравому смыслу: дети, рожденные летом, не только мешали родителям убрать хороший урожай, но чаще болели и умирали — детская смертность летом была наибольшая. Вот почему русские демографы считали большое число рождений летом несчастьем. Получается, что крестьяне стремились увеличить число новорожденных детей, чтобы затем их похоронить, управляя таким странным и жестоким способом рождаемостью и смертностью. Это какой-то инстинкт смерти, а не жизни.

По мнению моих оппонентов, вариация помесечных рождений в течение XVIII — начала XX в. мало изменилась как в городе, так и деревне. На этом основании они объединили в одну выборку данные о рождениях российских деятелей за два столетия XVIII—XIX вв. (с. 338—339), а 1810—1918 гг. анализируют в одном пакете. Но, как установлено мною на всероссийском материале, вариация помесечных рождений постепенно изменялась в пореформенное время. Динамика помесечных рождений в Моршанске первой половины XIX в., в Тамбове начала XX в. и российских деятелей XVIII—XIX вв. им представляется абсолютно совпадающей по рисунку (с. 338). Между тем проведенный мной корреляционный анализ имеющихся в статье В.Л. Дьячкова и В.В. Канищева данных этого не обнаруживает (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты линейной корреляции между помесечными рождениями российских деятели и в различных приходах Тамбовской губернии

	Моршанск	Тамбов 1901-1911 гг.	Российские деятели
Моршанск	X	0,155	0,184
Тамбов 1901-1911 гг.	-	X	0,232
Российские деятели	-	-	X

Убийственными для меня и для всех разделяющих мою точку зрения считают мои оппоненты данные Тамбовской городской акушерской

Б.Н. Миронов

клиники за 1901—1911 гг., в которых декабрьский минимум не наблюдался. На протяжении статьи они несколько раз сообщают об этом читателю (с. 319, 327, 337—339). Смотрите: по-настоящему надежные данные, а в декабре рождаемость не была минимальной. Господа оппоненты, вы в очередной раз ломитесь в открытую дверь: в моей книге написано, что в 1901—1910 гг. в крупных городах, к которым относился и губернский Тамбов, процент людей, практиковавших половое воздержание во время поста, уменьшился до 1%,¹⁸ следовательно, и декабрьский минимум ушел в небытие. Тем более это верно для людей, рожавших в клинике, где, надо думать, рожали состоятельные и образованные люди, которые были секуляризованы больше крестьян (о роли социального состава пациенток клиники говорит то, что в Тамбове в 1898—1900 гг. декабрьский минимум еще заметен среди обычных тамбовских горожан, с. 339). То же следует сказать и о выдающихся деятелях, которые не слишком часто рождались в декабре. Но в данном случае мало того, что последние были людьми, наиболее развитыми и, значит, более секуляризованными сравнительно с простыми крестьянами или горожанами. Объединение всех деятелей в одну группу привело к тому, что на результат большее влияние оказали родившиеся во второй половине XIX в., коих, по-видимому, было большинство или весьма значительная часть (с. 339). Интересная работа не дала всех результатов, которые она могла бы дать, потому что деятели не были дифференцированы по годам рождения.

Подведем итоги.

В.Л. Дьячков и В.В. Канищев предприняли попытку опровергнуть тезис о *некотором* влиянии полового воздержания во время Великого поста на снижение рождаемости, полученный на всероссийском материале за 1867—1910 гг. Проведя большой и полезный анализ данных о помесечной рождаемости в нескольких тамбовских приходах за 1810—1918 гг., они получили интересные результаты, которые при адекватной их интерпретации, вопреки их намерениям, полностью подтвердили мои выводы. Но, к сожалению, мои оппоненты не смогли правильно их осмыслить. Обнаружив, что декабрьский минимум рождаемости наблюдался не в 100% случаев, а только в 73% для М. Пупков и в 60% для Байловки, они заключили: крестьяне не соблюдали воздержания по религиозным соображениям. На самом деле, полученные ими результаты свидетельствуют о том, что половое воздержание соблюдалось, но являлось не единственным или главным, а только важным или одним из факторов декабрьского снижения рождаемости. Другими словами, В.Л. Дьячков и В.В. Канищев только подтвердили мои наблюдения, ибо в среднем по обоим

Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пупков?

приходам декабрьский минимум рождаемости повторялся в двух из трех лет — слишком часто, чтобы отвергнуть гипотезу о влиянии поста на рождаемость.

Но почему же декабрьский минимум наблюдался не в 100% случаев, как надеялись мои оппоненты? 100% совпадений возможно лишь при условии функциональной связи между зависимой и независимой переменными. В нашем же примере мы имеем дело не с функциональной, а с корреляционной зависимостью: одна зависимая переменная и несколько независимых переменных. Задачу следовало сформулировать и решать примерно следующим образом. На декабрьский минимум рождений (зависимую переменную) влияли культурно-идеологический (культура через правила поведения, систему ценностей и представлений, религия через разрешение браков в одни периоды и запрещения в другие, а также посредством ограничения половых отношений во время поста), биологический (изменение биопотенциала в течение года), экономический (питание, благосостояние, урожай и т.д.) и социальный (положение крестьян как сословия, имущественная дифференциация и др.) факторы (независимые переменные). Классификация факторов может быть и иной, но суть не в этом, а в многофакторности модели. Выделенным переменным нужно было дать эмпирическую и операционную интерпретацию, собрать соответствующие данные и провести корреляционный, дисперсионный, факторный или какой-либо другой анализ, который оценил бы вклад отдельных независимых переменных в декабрьский минимум рождений. Только в результате такого анализа можно было бы установить иерархию факторов и сказать, какой фактор был более или менее влиятельным. Вместо этого В.Л. Дьячков и В.В. Канищев ограничились анализом биологического и религиозного факторов, первый из которых они трактуют субъективно широко, не доведя анализ до количественной оценки их влияния. В непонимании характера зависимости между изучаемыми явлениями заключается, на мой взгляд, методологический просчет моих оппонентов.

В отличие от В.Л. Дьячкова и В. В. Канищева я ставил ограниченную задачу — количественно оценить влияние лишь одного религиозного фактора на декабрьский минимум рождений и поставленную задачу решил. Вклад религиозного фактора, по моим расчетам, был скромным — около 24% в 1867—1870 гг. и 14% в 1901—1910 гг. Правда, попутно мне пришлось оценивать влияние биологического фактора. Оказалось, что его вклад в декабрьский минимум рождений составлял около 14%, т.е. до 1890-х гг. был меньшим, чем вклад религиозного фактора, а с конца XIX в. — примерно равным.

Б.Н. Миронов

Следующий просчет методологического плана состоит в том, что В.Л. Дьячков и В.В. Канищев ищут полного совпадения результатов анализа декабрьского минимума рождаемости по отдельным приходам в отдельные годы и полного совпадения результатов общероссийского и частного (приходского) анализа. Но это в принципе невозможно. Согласно закону больших чисел, в социальной жизни, где господствуют корреляционные, а не функциональные связи, закономерности имеют вероятностный характер и проявляются и, естественно, обнаруживаются при массовых наблюдениях, а в отдельных случаях (в нашем примере — в отдельные годы в отдельных приходах) закономерность может в своей количественной определенности варьировать и даже нарушаться, а потому и не проявляться. Другими словами, мои оппоненты отождествляют деревья с лесом, а лес с деревьями. Но изучать отдельные деревья и исследовать лес — это принципиально разные задачи, требующие разного подхода и методики, а самое главное — понимания, что лес не сводится к деревьям, а три или даже пятнадцать деревьев не образуют леса.

Закон больших чисел, статистические закономерности — это из области философии количественного анализа, и неучет их историками объясняется особенностями исторического образования и до некоторой степени простителен. А как быть с отсутствием источниковедческого анализа и пренебрежением к историзму? Как хорошо известно, точность метрического учета в течение XIX — начала XX в. изменялась, и нужно было установить на тамбовском материале, когда она достигла удовлетворительного уровня и как она изменялась в отдельные годы. Не сделав этого, В. Л. Дьячков и В. В. Канищев анализируют метрические книги как одинаково надежный для всего исследуемого периода источник и опираются на метрический учет первой половины XIX в., не принимая во внимание его низкую достоверность. Этот просчет усугубляется узостью источниковедческой базы. Мне приходилось уже читать больше десятка работ, написанных тамбовскими историками, в которых используются одни и те же данные двух-трех приходов Тамбовской губернии, среди которых неизменно Малые Пупки. Не пора ли выходить на российские или хотя бы на черноземные просторы, расширять источниковедческую базу, горизонт исследования, проводить сравнительный анализ?

Недостаток историзма проявляется, в частности, в том, что данные о рождениях российских деятелей за два столетия, ХУШ—XIX вв., объединяются вместе, а данные о рождениях в двух приходах за 1810—1918 гг. анализируются в одном пакете, в том и другом случае без разделения на

Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пупков?

периоды и даже без постановки вопроса об изменении алгоритма помесячных рождений и степени влияния поста на демографическое поведение. Анализ погодных и помесячных колебаний рождений не заменяет выделения однородных периодов в изучаемом явлении, равно как статистический анализ не заменяет анализа исторического.

Невнимание к историческому изменению, возможно, объясняется латентной склонностью В.Л. Дьячкова и В.В. Канищева к биологическому и географическому детерминизму. Западная наука уже пережила разного рода детерминизмы: экономический, демографический, биологический и географический, но в российской науке отдельные случаи этих болезней еще встречаются. Мои оппоненты упорно настаивают (к сожалению, не только в данной статье) на решающем влиянии биологического и природного факторов на социальные и экономические процессы и на демографическое поведение россиян XIX — начала XX в. В большой социальной науке огромное большинство ученых пришло к консенсусу относительно того, что в любом социуме действует группа факторов, и каждый фактор, будь то экономический, биологический или географический, имеет значение в человеческих делах, иногда важное, но никогда — определяющее. Разумеется, в воспроизводстве населения биологическому фактору, по определению, принадлежит важная роль. Например, я установил, что влияние биологического фактора на декабрьский минимум рождений было значительным — около 14%, но не главным, и до 1890-х гг. было меньшим, чем вклад религиозного фактора. Однако и воспроизводство населения — это все-таки биосоциальный процесс, и акцент на биологии или географии (влиянии стихийного колебания урожая), естественно, ведет к недооценке роли социальных и экономических факторов, в чем заключается еще один методологический просчет моих критиков.

Итак, непонимание связи между частным и общим, между закономерностью и случайностью, преувеличение роли биологического и географического факторов, узость источниковедческой базы, партикуляризм и недостаток историзма приводят В.Л. Дьячкова и В.В. Канищева к некорректной интерпретации как моих, так и собственных результатов, даже несмотря на сильную эмпирическую составляющую их исследования. Увы, без эмпирии наука суха, без теории мертва. Невозможно из Малых Пупков увидеть и понять всю Россию, да и сами Пупки не понять без учета всероссийской перспективы. Представляется очевидным, что спорить с выводами, полученными на общероссийских данных, опираясь на данные отдельных поселений и приходов, некорректно. Сравнение общероссийских и местных данных должно делаться не для того, чтобы опровергнуть

Б.Н. Миронов

общероссийские закономерности, а для того, чтобы понять и объяснить местную специфику.

Примечания

- ¹ Дьячков В.Л., Канищев В.В. Декабрьские рождения: К вопросу о роли религиозного фактора в демографическом поведении традиционного крестьянства. Тамбовская губерния, XIX — начало XX вв. // *Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики* // Под ред. Л.И. Бородкина и В.Н. Владимирова. М., Барнаул, 2003. С. 317—342.
- ² Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 309, 311-312.
- ³ Миронов Б. Народ-богоносец или народ-атеист? // *Родина*. Март 2001. С. 55.
- ⁴ Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика населения. СПб., 1892. С. 248; Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности. СПб., 1903. С. 44; Гиляровский Ф.В. Исследование о рождении и смертности детей в Новгородской губернии. СПб., 1866. С. 581-608; *Статистический временник Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1870 год*. СПб., 1879. Серия 2. Вып. 14. С. VIII.
- ⁵ Грязнов П. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. Дис. на степень доктора медицины. СПб., 1880. С. 74.

Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пунктов?

- Ransel David L. Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2000.
- 6 Ibid. P. 103. Женщины второго и третьего поколения этот вопрос не об-
суждали.
- 7 Статистический ежегодник С.-Петербурга: Материалы по статистике С.-
Петербурга. СПб., 1882. С. 96-97.
- 8 Пасхавер И.С. Закон больших чисел и закономерности массового процесса.
М., 1966.
- 9 См. на этот счет интересную работу: Репина Л.П. Комбинация микро и
макроподходов в современной британской и американской историографии:
10 Несколько казусов и опыт их прочтения // Историк в поиске: Микро- и
макроподходы в изучении прошлого. М., 1999. С. 31-63.
- О достоверности метрических ведомостей — важнейшего источника по
11 исторической демографии России XVIII-XX вв. // Россия в XIX-XX вв. СПб.,
1998. С. 41-47.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало
12 XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и
правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т 2. С. 329.
- См., например: Гиляровский Ф.В. Исследование о рождении и смертности
13 детей в Новгородской губернии. С. 581-608; Миронов Б.Н. Социальная
история России периода империи. Т 1. С. 169-171.
- 14 Подсчитано мной по данным: Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика на-
селения. С. 248.
- Этот спад, однако, не просматривается по данным Тамбовского уезда за 1871-
15 1881 гг. (с. 332).
- Афиногенов А. О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период
16 детородной деятельности. СПб., 1903. С. 44.
- Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестья одной
17 из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 59.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 2. С. 329.
- 18 Табл. XI.4, 2-й столбец, 1-я строка снизу.